

**ИЗДАНИЕ ПЕРЕПИСКИ В. ЖАМРЕ-ДЮВАЛЯ С А. СОКОЛОВОЙ
КАК ПРИМЕР ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ ЕКАТЕРИНЫ II**

В статье рассматриваются обстоятельства и контекст выхода в свет переписки (1762–1774) французского философа, выходца из крестьян, Валентина Жамре-Дюваля и камер-юнгферы русского двора Анастасии Соколовой (Де Рибас). Издание писем, ставших смысловым центром двухтомника сочинений Дюваля, было осуществлено в 1784 г. в Страсбурге под редакцией известного дипломата Ф.-А. (Ф.И.) Коха и предназначалось западноевропейскому читателю. В корреспонденции создается позитивный и даже идеализированный образ России, который отвечал новым тенденциям в интерпретации русской темы в трудах философов Просвещения и академических курсах германских университетов. Обстоятельства, сопровождавшие выход в свет двухтомника, позволяют видеть в его издании реализацию сложного политического проекта, имеющего целью рекламировать достижения правления Екатерины II перед западноевропейской аудиторией, а также подготовить общественное мнение Европы к новым планам императрицы в области внешней политики.

Ключевые слова: *Екатерина II, Валентин Жамре Дюваль, Анастасия Соколова-Де Рибас, Ф.-А. Кох, Россия, переписка, публикация, политический проект, пропаганда*

В начале 1780-х гг. Екатерина II предприняла комплекс реформ, направленный на создание нового, более современного и «человечного» образа монархической власти в России и на пропаганду позитивного имиджа Российской империи в целом. Усилия императрицы реализовались не только в законодательстве и собственном литературном творчестве, но также в замысле, подготовке и спонсировании ряда проектов, должных поддержать уже утвердившийся в сочинениях европейских интеллектуалов позитивный образ просвещенной государыни и руководимой ею страны. В настоящей статье речь пойдет именно о таком проекте, тщательно продуманном императрицей и ее сотрудниками и блестяще осуществленном – издании в 1784 г. переписки французского философа-автодидакта на австрийской службе Валентина Жамре-Дюваля (1695–1775) и камер-юнгферы петербургского двора Анастасии Ивановны Соколовой (1741–1822), впоследствии г-жи Де Рибас¹.

¹ Duval 1784. Переписка была переиздана с некоторыми сокращениями уже в виде трехтомника в Лондоне в 1785 г., а в 1792 г. вышел ее перевод на немецкий язык. В 1916 г. в журнале «Старые годы» С.Н. Казнаков опубликовал только письма Соколовой в оригинале на французском языке и с дополнительными купюрами. В 2019 г. письма обоих корреспондентов были опубликованы Андре Курбе на основе издания 1784 г. в 3-м томе общей корреспонденции Дюваля (Jameray-Duval 2019). В данный момент готовится новое издание переписки на основе издания 1784 г. и подлинников писем Дюваля, хранящихся в РГАДА, под редакцией Ханса-Юргена Люзебринка и Ангелины Вачевой при поддержке фонда Gerda Henkel Stiftung. Переписка была хорошо известна и в России. Об этом свидетельствует ее наличие в частных библиотеках. Установлено, что в библиотеке А.С. Пушкина было лондонское издание (Гречаная 2010: 123). Письма обоих корреспондентов читались при русском и при австрийском дворах, о них знали в обществе (Массон 1996: 86-87).

Единственный интеллектуал, который когда-либо занимал российский трон², Екатерина II понимала значение того влияния на формирование общественного мнения, которое могло бы иметь отношение к ее правлению не только державных глав и громких имен европейского философического Олимпа, но и гораздо более скромных личностей. Сама императрица очень дорожила возможностями, которые предоставляла личная «дружеская» переписка с г-жой Бьелке, с г-жой Жоффрен и пр. Она сильно рассчитывала на эффект личного послания даже в переписке с более именитыми людьми. Александр Строев обратил внимание на то, что императрица оставляла без внимания настойчивые просьбы Вольтера пользоваться дипломатическими каналами и продолжала посылать знаменитому корреспонденту письма обычной почтой, рассчитывая... на полицейскую слежку и перлюстрацию со стороны враждебно настроенного французского правительства в целях распространения угодных ее политике интерпретаций событий³.

В XVIII в. переписка ускользала от привычного для нас деления на приватную и предназначенную для публики⁴. Это особенно касается корреспонденции не только владетельных особ, но вообще известных людей. Конечно, власть предрежащие и люди из их окружения, какими были наши герои, неизменно привлекали пристальное внимание аудитории. Публичное чтение, даже переписывание текстов писем известных личностей для себя и для знакомых было распространенной практикой. Причину следует искать в поисках аутентичности⁵ и в желании соприкоснуться с другим, далеким и часто недоступным миром.

В начале 1780-х Екатерина II продолжила на новом этапе начавшееся еще в 1770-х гг. ознакомление западноевропейской аудитории с достижениями своей страны. Помимо переводов основных документов своих реформаторских инициатив – «Наказа», Уставов Смольного и Воспитательного дома, осуществленных в 1770-е гг., императрица инициирует переводы произведений русских авторов⁶, пишет о них своим корреспондентам, на них публикуются рецензии в престижных изданиях и пр. Заодно императрица стремилась подготовить общественное мнение Европы к восприятию ее новых внешнеполитических проектов.

Решение подготовить и спонсировать издание переписки скромного хранителя нумизматического кабинета австрийского императора с камер-юнгферой русской императрицы было частью этого предприятия. Корреспонденция (1762–1774) В. Жамре-Дюваля и А. Соколовой до сих пор является малоизученным источником по российской культурной истории и связям России и Западной Европы. Она лишь в по-

² Данное определение дал Екатерине II Дж. Гуч (Gooch 1966: 72).

³ Voltaire-Catherine II 2006: 19.

⁴ См.: Rubin-Detlev 2019: 17.

⁵ Это проявляется также в интересе к автобиографии и мемуарам в целом, особенно к таким, которые в заглавии подтверждали авторство известного человека.

⁶ См. Stroeв 2019.

следние годы стала постепенно входить в поле зрения исследователей. Оригиналы до недавнего времени считались потерянными навсегда, но недавно мне удалось обнаружить в фондах РГАДА том с переплетенными письмами Дюваля, среди которых оказалось 8 неопубликованных, адресованные Анастасии Соколовой. В итоге корпус корреспонденции восходит к 134-м письмам, вместо 126-ти в издании 1784 года. Надо отметить, что при публикации не только производились купюры и делались перестановки отдельных фрагментов текста. Своеобразная цензура имела место и позже, когда уже из переплетенного сборника были изъяты листы бумаги⁷. Я неоднократно останавливалась в серии своих статей на содержании и истории переписки, поэтому позволю себе лишь вкратце напомнить основные положения.

В переписке Жамре-Дюваля и Соколовой выстраивается позитивный образ Российской империи и ее повелительницы. Набор обсуждаемых тем в целом повторяет типичные сюжеты интереса западноевропейцев к России. В письмах оба корреспондента касаются практически всех важных событий и аспектов природы и природных ресурсов, географической протяженности и многообразия, древней и более близкой истории (на основании нумизматических знаний старого хранителя), религиозной жизни и проблемы терпимости. Однако в центре внимания – современная российская внутренняя и внешняя политика (одна из важнейших тем – русско-турецкая война 1768–1774 гг.), законодательные инициативы Екатерины II («Наказ», Законодательная комиссия, процесс над Салтычихой), ее путешествие по Волге, достижения в культурной и научной жизни, здравоохранении и сфере образования и пр.⁸ Дюваль вступает в переписку с Анастасией Соколовой не только вследствие очарования ее красотой и непосредственностью, тоже не слишком хорошо вписывающимся в строгие придворные ритуалы⁹. Для него эта переписка была возможностью поближе познакомиться с жизнью страны, которая давно вызывала его интерес, и о которой он читал все, что печаталось в доступных ему франкоязычных изданиях.

Двухтомник сочинений Жамре-Дюваля, куда вошла переписка философа с А. Соколовой, был опубликован под редакцией русского дипломата Фридриха-Альберта (Фредерика-Альбера, Федора Ивановича)

⁷ В нескольких местах видны остатки вырванных листов. Это были, скорее всего, поздние письма, особенно 1772–1773 гг. Все оставшиеся архивные материалы соответствуют опубликованным письмам, т.е. изымались неопубликованные. По всей вероятности, они могли быть связаны с пугачевщиной. Оригиналы писем Соколовой до сих пор не обнаружены, вероятно, они действительно потеряны или уничтожены.

⁸ О различных темах в переписке см.: Вачева 2017, 2018а, 2018b, 2018с.

⁹ Следует отметить красоту, крайнюю живость Анастасии, вошедшую в поговорку, способность говорить правду в глаза, которой она хвастает и пр. Первоначально Дюваля привлекает и легенда о ее происхождении и социальном статусе («плебейка» по происхождению, дочь художника Соколова, родившаяся не то в Астрахани, не то на Кавказе, в другом варианте – черкешенка по рождению), которую она поддерживает, выдавая себя за «воспитанницу» сначала княгини Е.Д. Голицыной, а потом и И.И. Бецкого, тогда как было всеобщей тайной, что она – побочная дочь последнего.

Коха. Несмотря на то, что на титуле как место издания значится Санкт-Петербург¹⁰, двухтомник был напечатан в Базеле¹¹ и распространялся влиятельным страсбургским издательским домом Трейттеля (Treuttel)¹².

Ф.-А. Кох (1740–1800) родился недалеко от Страсбурга. Он начал служить в русской миссии в Вене в середине 1760-х гг. В 1767 г. происходит его знакомство с Дювалем, длившееся до последних дней жизни философа. Именно его перу принадлежат последние письма, отправленные из Вены мадмуазель Соколовой; в них описывается состояние здоровья старого философа и знаки внимания, оказанные ему Марией-Терезией, Иосифом II и другими членами австрийского императорского дома в дни его тяжелой болезни, от которой философ, по всей видимости, не оправился до конца своих дней. Судя по стилю этих писем, Кох был ловким царедворцем, владеющим в совершенстве искусством льстить и угадывать желания людей, стоящих выше него по общественной лестнице или же могущих быть ему полезными. В России он достиг высокого чина тайного советника (III по Табели о рангах). Судя по частым упоминаниям его в переписке Екатерины II с Гриммом¹³, а также в дневнике Храповицкого, особенно в 1783 г., когда его присутствие в кабинете императрицы отмечено как минимум раз десять, Кох был преданным сотрудником императрицы, и отношения с ним были довольно доверительными. Помимо исполнения своих дипломатических обязанностей, будущий издатель сочинений Дюваля работал также над этим проектом.

Издание посвящено Екатерине II, которая, вероятно, следуя практике того времени, субсидировала его выход в свет. В дедикации Кох заявляет, что рассчитывает на то, что имя императрицы и упоминание об участии и знаках внимания, которые она проявляла к своему горячему поклоннику¹⁴, привлечет к книге внимание. Он подчеркивает, что публикует сочинения Дюваля, среди которых корреспонденция занимает главное место, как выражение восторга философа (*philosophe éclairé*) на протяжении всей его жизни от поразительных успехов (*merveilles*) ее царствования¹⁵. Важный момент – подчеркивание в предисловии *célébrité* Дюваля и его исключительной скромности¹⁶.

Все предприятие представлено как исполнение сокровенного желания ушедшего друга и выражение почтения памяти незаурядного че-

¹⁰ В Сводном каталоге... Т. I. 1701–1800 нет данных о подобной публикации.

¹¹ Duval 1784. Т. I: 320.

¹² В Сводном каталоге... Т. I. 1701–1800 нет данных о подобной публикации.

¹³ Упоминания Ф.-А. Коха в ней начинаются в январе 1778 г. (Catherine II de Russie – Friedrich-Melchior Grimm 2016: 143); см. также СИРИО 1878.

¹⁴ Екатерина действительно помогала своей юнгфере доставать редкие книги, карты, планы и др., которые та отправляла венскому корреспонденту. Еще важный жест – посылка 4-х экземпляров французского издания «Наказа» Дювалю, который распределяет их по своему усмотрению, отдавая один императрице Марии-Терезии и другой кн. Д.М. Голицыну, послу Российской империи в Вене (РГАДА. Л. 158)! Типичный пример неофициальной екатерининской дипломатии.

¹⁵ Duval 1784. Т. I. Без страницы.

¹⁶ Курсив Коха (Duval 1784. Т. I. P. IX).

ловека, прежде всего со стороны г-жи Де Рибас, согласившейся по сентиментальным причинам предоставить для публикации свою замечательную переписку с «австразийским философом», подвергнув строжайшей цензуре прежде всего собственные послания¹⁷. Кох представляет себя в предисловии и в последних двух письмах, которые он пишет под диктовку Дюваля, как близкого друга, с которым, несмотря на огромную разницу в возрасте, его связывали узы приятельства, на протяжении полутора десятка лет. Тем не менее сам Дюваль дважды в уцелевших письмах предупреждает Анастасию быть настороже с этим его названным другом и крайне недоволен и резок в выражениях, когда узнает, что она позволила прочесть Коху некоторые его письма¹⁸. Но, если верить Коху, в конце жизни философа, он был одним из немногих, кто общался с ним. О разговорах вокруг предстоящего издания переписки упоминает в своем дневнике побочный сын Екатерины II Алексей Бобринский¹⁹.

Издание удостоилось своеобразной рекламы. В мае 1784 г. Гримм помещает в «Литературной корреспонденции» небольшую рецензию, которая не столько оценивает публикацию наследия философа, сколько рассказывает о его необыкновенной судьбе и хвалит усилия издателя Коха²⁰. Так или иначе, это привлекало внимание аудитории к изданию.

Сама фигура Жамре-Дюваля привлекала внимание образованных людей, которые имели честь побывать при дворе лотарингских герцогов, а позже и при венском дворе. При жизни философ-самоучка приобрел славу курьезной личности. Бывший крестьянин, сын рано умершего бургундского тележника, сбежавший из дому в возрасте 14 лет, получивший волею судьбы и неутолимой жажде знаний, образование и службу при дворе, привлекал любопытство, особенно в сочетании со своей «дикостью» и неписанностью в обычную придворную жизнь. После смерти Жамре-Дюваль стал своеобразным культурным мифом, который процветал во французской педагогической литературе и продержался на

¹⁷ Казнаков 1916: 5.

¹⁸ РГАДА. Л. 135. Редактор, разумеется, и не думал публиковать подобные нелестные характеристики своей персоны.

¹⁹ Будучи учеником Кадетского корпуса, он находился под попечением не только директора учебного заведения О.М. Де Рибаса, но и его жены, «Рибасши», бывшей корреспондентки Дюваля. Молодой человек упоминает о состоявшемся в Вене разговоре, в котором обсуждалась предстоящая публикация писем его дужни к Дювалю: «3 декабря [1783]. За обедом у Аллегретти, один из членов дипломатического корпуса сказывал мне про Бецкого, что, будучи здесь, он хвалился мною и что Рибасша поручила некоему Коху свою переписку с Дювалем, некогда состоявшим при венском дворе, и что, по его мнению, публика не встретит благосклонно этой книги, потому что в ней много мелочей, не для всех понятных» (Бобринский 1878: 158). Само содержание переданного разговора свидетельствует о том, что письма обоих корреспондентов были сравнительно хорошо известны и о них помнили.

²⁰ Correspondance littéraire 1883. Т. XII. P. 146-148. Характер рецензии и ее краткость необычны для этого престижного издания, публиковавшего, как правило, подробные анализы книг и произведений искусства. Участь оригиналов тоже вызывает интерес. После публикации письма Дюваля были переплетены и спрятаны в труднодоступные архивные фонды, судя по надписям на обложке дела, в знаменитом Архиве МИДа.

протяжении доброй части XIX в. как пример личного успеха выходца из народных низов, заслужившего всеобщее уважение, благодаря образованию и постоянному стремлению к знаниям²¹. Сам философ вполне сознательно способствовал мифологизации своей персоны. Никак не освоившись с условностями придворной жизни, он избрал стоическую и аскетическую линию поведения и всегда подчеркивал это в своей обширной корреспонденции²². В то же самое время, Дюваль льстил себя мыслью об уникальности своего жизненного пути. По идее императрицы Марии-Терезии он пишет свои мемуары²³, дарит многим своим знакомым описания ярких и характерных случаев из своей жизни, а четыре отрывка из мемуаров посылает мадмуазель Анастасии²⁴.

Так или иначе, странный и «дикий», по собственным словам, философ, был исключительно начитанным и просвещенным человеком, интеллектуалом, вышедшим из самых недр французского народа, заслужившим уважение огромной вереницы посетителей Императорского кабинета медалей, которые наслаждались не только исключительным нумизматическим собранием, но прежде всего беседами с его директором. Среди визитеров были люди, разные по национальности и принадлежащие широкой социальной гамме. Особое место среди гостей Императорского кабинета медалей занимали русские – такие видные и известные аристократы, как Шуваловы и Голицыны, путешественники или же служащие русской дипломатической миссии в Вене²⁵.

Однако Россия – не единственная тема переписки с Соколовой, хотя «русские» сюжеты в ней преобладают. Недавно найденные оригиналы писем «австразийского философа» позволяют констатировать, что сквозной линией в них является также Франция и прежде всего ее экономическая и фискальная политика. Прирожденный француз Валентин Жамре отказывается и в письмах, и в мемуарах от своей национальной идентичности и считает себя подданным Лотарингского герцогства (даже после «печальной революции» – обмена Лотарингии на Тоскану после заключения брака Марии Терезии и Франца Лотарингского) по той причине, что мудрая и толерантная политика ее правителей обеспечила счастливую и богатую жизнь своим подданным. И в автобиографическом повествовании, и в письмах Соколовой Дюваль приводит множе-

²¹ Goulemot 1981. P. 37.

²² Переписка с Соколовой составляет лишь часть его обширного эпистолярного наследия (см.: Courbet 2019). Дюваль несколько раз отклонял предложения дворянского достоинства, отказывался от придворных привилегий и вел крайне скромную «философскую» жизнь, троя жалование на книги, эстампы и благотворительность.

²³ Goulemot 1981. P. 23, 30.

²⁴ РГАДА. Л. 3–32об. Другой известный случай – отрывок, подаренный Вольтеру, с которым Дюваль состоял в одном дружеском интеллектуальном кружке в 1720–1730 гг. в г. Люневиле, при дворе лотарингского герцога Леопольда (Courbet 2014). Впоследствии в ряде своих работ («Вопросы об Энциклопедии» / «Questions sur l'Encyclopédie»; «Век Людовика XIV»/«Siècle de Louis XIV») неоднократно ссылается на пример давнего знакомого.

²⁵ См. Вачева 2018с.

ство потрясающих фактов о злосчастной жизни французских крестьян под гнетом короля, закрывающего глаза на крайние злоупотребления своих фискальных агентов. Он часто негодует и высмеивает французских политических деятелей, иронизируя над поддержкой, которую они оказывают противникам России – Оттоманской империи и полякам. Разумеется, все это было чревато дипломатическими скандалами, не могло войти в печатный текст и было сокращено редактором Кохом. С другой стороны, наличие сильной французской сюжетной линии в письмах стало бы причиной раздвоения и отклонения читательского внимания. Французский материал оставлен в опубликованном тексте ровно настолько, чтобы выгодно оттенить русскую тему.

Дюваль был отъявленным русофилом, однако способным на критику. Это придавало еще больший вес его персоне и высказанным мнениям. Контекст, в котором осуществилось издание, говорит о том, что это не было простой данью уважения Соколовой своему далекому корреспонденту. О «рекламном» характере переписки в редакции Коха пишет и С.Н. Казнаков, отмечая «заслуги» Анастасии Соколовой: «...г-жа Рибас и перепискою своей с Дювалем и изданием ее в свет сослужила службу и русской истории, и русскому искусству»²⁶. Вмешательство ловкого и услужливого Коха в текст переписки явно не сводилось лишь к невинным сокращениям повторений в посланиях Дюваля и исправлениям стиля и орфографии в письмах мадмуазель Анастасии. И таинственная и запутанная история издания творений Дюваля, и выбор тем, обсуждаемых в переписке – акцент на позитивные и исключение неблагоприятных сюжетов, – все говорит о том, что это было тщательно подготовленное издание, рассчитанное на западноевропейского читателя. Косвенно о том, что цель была достигнута, говорит то, что не была осуществлена вторая часть предпринятого Кохом издания произведений Дюваля. Кох заявил в предисловии к двухтомнику, что в случае его успеха, он издаст остальную часть наследия «деревенского философа» – впечатляющий труд по нумизматике, небольшой философский роман, кое-какие «легкие пьесы» и др.²⁷ Хотя двухтомник явно пользовался успехом (вряд ли стали бы переводить провальное издание и на следующий год выпускать новое!), заявленное намерение так и не было осуществлено. Переиздания, как и популярность издания по всей Европе и в России, отзывы, сопровождавшие его появление на книжном рынке, говорят об успехе масштабно задуманного российской императрицей и ее сотрудниками проекта. Понять значение этого издания позволяет контекст его появления, которое стало результатом комплекса причин.

Публикацию сборника Дюваля можно рассматривать как знак, данный европейским государствам, о сотрудничестве и дружественных отношениях петербургского и венского дворов, в начале 1780-х гг. и о смене доминант во внешней политике, в которой Северная система Па-

²⁶ Казнаков 1916. С. 70.

²⁷ Duval 1784. T. I. C. XIV.

нина была заменена на австро-российский союз²⁸. Другая возможная причина – стремление опередить публикацию корреспонденции Екатерины II и Вольтера, которую в то время готовил Бомарше²⁹. После смерти философа в конце мая 1778 г. Екатерина боялась публикации своих писем Вольтеру. Особенно ей было неприятно узнать, что переговоры об этом с издателями и с племянницей и наследницей философа мадам Дени ведет «Фигаро»-Бомарше, который, в конце концов, и осуществил это издание в 1787 г.³⁰ Думается, что публикацией писем Дюваля и Соколовой императрица и ее сотрудник стремились опередить Бомарше, адресовав это издание просвещенной европейской публике и создав на его основании исключительно положительный образ России и самой Северной Минервы, т.е. подтвердить основные послания Вольтера.

Следующий фактор, который, возможно, повлиял также на выбор места издания, была роль Страсбургского университета в сети немецких университетов. В этой академической среде в 1780-х гг. утверждался новый «позитивный» контекст восприятия образа России³¹. Мишель Эспань и Владимир Берелович исследовали роль активных связей немецких ученых с коллегами из русской Академии наук и их стремление на основании оригинальных исторических документов и описаний результатов научных экспедиций создать реалистический образ страны³². Одной из главных фигур в Страсбургском университете был старший брат издателя творений Дюваля, профессор Кристоф-Гийом (Кристоф-Вильгельм) Кох, прославленный специалист по европейской истории и по истории дипломатии, ректор университета в 1787–1788 гг. Профессор Кох был наставником большого числа русских студентов³³, для которых он написал два труда. Их финальная версия относится к 1785–1786 гг.: «Histoire de Russie avec sa partie politique» («История России с обозрением ее политики»), посвященная его ученику князю Алексею Андреевичу Голицыну) и «Constitution de l'empire de Russie» («Устройство Российской империи»), которые остались неизданными и сохранились в нескольких рукописных вариантах³⁴. Содержание этих работ профессора Коха соотносится с многочисленными сведениями по истории, географии, религиозной жизни, социальному строению и социальной проблематике тогдашней России, русскому искусству, литературе и пр. в переписке Дюваля и Соколовой. В каком-то смысле издание корреспонденции могло бы служить “учебным пособием” к университетскому курсу.

²⁸ Это получило выражение в переписке Екатерины II. – Rubin-Detlev 2019: 62.

²⁹ Вачева 2017.

³⁰ См. Voltaire-Catherine II 2006: 20–21.

³¹ См. Вачева 2018с.

³² Эспань 2018, Berelowitch 2018: 205-212

³³ Разыскания В. Береловича показали, что братья Кохи (следует упомянуть и среднего, Конрада-Рейнхарда/Конрада-Рене) вместе с другими своими родственниками и в сотрудничестве с князьями Д.М и Д.А. Голицыными, известными послами России в Вене и Гааге, создали настоящую империю образовательных услуг, рекрутируя европейских гувернеров для детей русской знати (Berelowitch 2005; 2013; 2018).

³⁴ Об истории этих сочинений см. Baudin 2018, Berelowitch 2018.

Решение издать переписку могло быть подсказано Екатерине также рядом неосуществленных планов, каким было, например, желание переиздать «Энциклопедию» в России, которое императрица обсуждала с Дидро во время его петербургского визита³⁵. Намерение Дидро состояло в том, чтобы в новом издании исправить многочисленные стереотипы и неточности, допущенные из-за отсутствия непосредственных наблюдений над жизнью России, языкового барьера, использования устаревших и предвзято написанных документов. Статьи «Энциклопедии», печатавшиеся в период с 1751 по 1765 год, основывались на фактах до восшествия Екатерины II на престол и лишь в некоторых материалах последних томов встречались ссылки на инициативы новой монархини³⁶. В то же самое время, по наблюдениям Марка Белиссы, Россия является одной из основных сквозных тем «Энциклопедии», через которую деятели Просвещения осмыслили фундаментальные проблемы философского, социального, экономического характера³⁷. Исследователь темы «Россия в “Энциклопедии”» приводит впечатляющую статистику. Он насчитал 564 статьи, в которых полностью или частично обсуждаются русские реалии, причем 341 статья специально посвящена России³⁸. Белисса комментирует устойчивую топику, нашедшую место в «русских» статьях «Энциклопедии», во многом повторяющуюся в свидетельствах о России в XVIII в. и основанную преимущественно на стереотипах. Это географическая протяженность в пространствах Европы и Азии и экстремальные природные условия, прежде всего Севера и Сибири, и, как следствие, грубость нравов, отсутствие развитой науки³⁹ и искусств. Это также скудные исторические сведения о древней русской истории и внимание к реформаторской деятельности царя Алексея Михайловича и прежде всего цивилизаторские усилия Петра I, остающегося для энциклопедистов гениальным реформатором, но варваром⁴⁰. В социально-историческом контексте актуальными для энциклопедистов, по мнению исследователя, оставались ключевые понятия деспотизма и варварства, невежество духовенства, причем крайние его формы связывались с расколом, а также с распространением суеверий и идолопоклонничеством среди «экзотических» народностей империи и низов общества⁴¹. Устойчивые представления об ужасающем деспотизме, применении телесных наказаний, насилии к противникам находят место в статьях. В традиционном духе выдержан и взгляд на российскую экономику, наиболее

³⁵ Подробно об этом см. Мезин 2018. Исследователь отмечает также, что частично Дидро реализовал свое намерение в очерке о России, написанном для третьего издания (1780) «Истории двух Индий» (“Histoire des deux Indes”) аббата Рейналя.

³⁶ Belissa 2001: 22.

³⁷ Belissa 2001: 15-16.

³⁸ Belissa 2001: 23-24.

³⁹ Хотя шевалье Жокур, автор большинства статей о России в первом издании признает значимость успехов, достигнутых в освоении Севера (Belissa 2001: 51).

⁴⁰ Belissa 2001: 102-112.

⁴¹ Belissa 2001: 58-76.

важной особенностью которой, с европейской точки зрения, является торговля с Китаем и стремление освоить Дальний Восток и Камчатку⁴².

Безусловно, «Энциклопедия» была одним из важнейших источников сведений Жамре-Дюваля о России. В его письмах сжато присутствуют все перечисленные сюжеты, но уже с поправкой на екатерининское царствование и на достигнутые успехи во всех областях. Редакторы дозволили «деревенскому философу» лишь возмущаться строгостью постов и посмеиваться над порочными нравами «господ раскольников», а также признать в известном смысле правоту аббата Шаппа д'Отроша, опять-таки прежде всего в отношении суеверия и невежества духовенства. Акцентом в его письмах стал искренний восторг от достигнутого в законодательстве и соблюдении принципов естественного права, в градостроительстве и освоении огромных географических пространств, в образовании и науке, в здравоохранении, в отношении к религии и нерусскому населению, в развитии литературы и искусств, благодаря мудрой политике премудрой Фемиды/Юноны/Минервы Севера.

Принято считать, что переписка с Вольтером легла в основу Греческого проекта Екатерины II и Потемкина. Однако у фернейского мудреца был «помощник». Как я уже отмечала, Дюваль и Соколова пристально следили за развитием военных действий во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг.⁴³ Для венского философа – это важный канал получения новостей из первых рук. Он разделяет настроения, характерные для Вольтера, побуждающего Екатерину приложить усилия, чтобы освободить колыбель европейской цивилизации – Грецию. Дюваль настаивает, чтобы полки «Северной Беллоны» освободили греков от «народа-узурпатора», разоблачает «фанатизм, невежество, гордость и свирепость» турок: «Греция стонет под тяжестью своих оков к стыду тех наций, которым низкая ревность и отвратительный интерес мешают их разрушить»⁴⁴. Как и Вольтер, Дюваль воображал себе Екатерину-«Фемиду» «на троне Константина, диктующую свои законы поровну Греции и России»⁴⁵. Он мечтает «унизить негодных оттоманов» и «восстановить божественный христианский культ в базилике св. Софии»⁴⁶.

Однако, в отличие от Вольтера, который предлагал Екатерине II победить турок, используя древнегреческие колесницы, Дюваль имел гораздо более практический взгляд на желанную победу русских над оттоманами. Он предвидел прежде всего громадные экономические выгоды как для России, так и для Европы от положительного исхода военных действий. Главным для него было не просто наказание невежественных турок, а открытие торговых путей, развитие торговли с Российской империей и через ее посредство с Китаем и другими далекими и

⁴² Belissa 2001: 113–119.

⁴³ Вачева 2018a.

⁴⁴ Duval 1784. Т. II. P. 28.

⁴⁵ Duval 1784. Т. II. P. 78.

⁴⁶ Duval 1784. Т. II. P. 116.

богатыми азиатскими странами. Частые упоминания даров южных российских территорий (молдавское вино и виноград, злаки), Кавказа, Поволжья (рыбы, каракуль), Сибири (кедры, меха), даже далекой Камчатки, внушают перспективу экономического процветания. В его письмах особое место находит мотив России как посредницы между Востоком и Западом. Дюваль многократно перечисляет преимущества от овладения проливами и освобождения Босфора и Греции от агарян. Он чертит новые (на самом деле древние) торговые пути, пролегающие через большие русские реки (Днепр, Дон), через Азов и Черное море к проливам и Средиземноморью. Морские победы русских для него являются также средством, облегчающим и ускоряющим торговые коммуникации. Богатые и экзотические подарки, которые ему шлет Анастасия (чай, китайский табак, икра, рыба, ревен, женьшень, копченые олени языки⁴⁷, но также каракуль, меха), помимо книг, эстампов, планов и географических карт, были материальной рекламой преимуществ торговых связей с Россией и ее экономических и культурных достижений. Можно предположить, что Дюваль, который подобно Вольтеру, настаивал на более решительных военных действиях, льстил себе, полагая, что его скромное мнение могло быть полезным русской государыне. Она же могла проверить на материале его писем, каким мог бы быть отклик на определенных политические шаги среди мыслящих и образованных европейцев.

Безупречная репутация Дюваля, подчеркнуто позитивный образ России в его письмах и обширность затронутых аспектов российской жизни, критика оппонентов, были прекрасной рекламой внутренней и внешней политики Северной Минервы. Исчезнувшие или наглухо спрятанные оригиналы оставляли лишь одну-единственную версию фактов, которая как нельзя лучше соответствовала сценарию екатерининского царствования. Публикация писем совсем не была сентиментальной данью уважения и благодарности г-жи Де Рибас «к друзьям, наставникам и благодетелям молодости Анастасии Соколовой»⁴⁸. Это был своего рода новый «Антидот», который ненавязчиво демонстрировал достижения страны, соответствовал комплексу актуальных планов императрицы и стал удачным примером ее мастерской пропагандистской политики.

Архивные материалы

РГАДА. Фонд 181. Опись 16. Итальянские, немецкие, молдавские, французские, шведские, еврейские, турецкие рукописи. Франц. № 11, дело 1435. Собственно-ручные письма Дюваля, переплетенные в четвертку на французском языке.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бобринский А. Г. Дневник графа Бобринского, веденный в кадетском корпусе и во время путешествия по России и за границу [Извлечение] // Русский архив. 1877. Кн. 3. Вып. 10. С. 116–165 [Bobrinsky A.G. Dnevnik grafa Bobrinskogo, vedennyi v kadetskom korpuse i vo vremya puteshhestviya po Rossii i za granitseyu [Izvlechenie]// Russkii arhiv. 1877. Kn. 3. Vyp. 10. S. 116-165].

⁴⁷ См. Вачева 2018б.

⁴⁸ Казнаков 1916. С. 70.

- Вачева А. Иллюзии «деревенского философа» о России: Политика Екатерины II 1760-х гг. глазами Валентина Жамре-Дюваля (1695–1775) // *Limes Slavicus 2. Kulturni koncepti na slavjanstvoto. Shumen: Universitetsko izdatelstvo «Св. Константин Преславски»*, 2017. С. 323–339 [Vacheva A. Illyuzii “derevenskogo filosofa” o Rossii: Politika Ekateriny II 1760-h gg. glazami Valentina Jamerai-Duvalya (1695-1775) // *Limes Slavicus 2. Kulturni koncepti na slavjanstvoto. Shumen: Universitetsko izdatelstvo “Св. Константин Преславски”*, 2017. S. 323-339].
- Вачева А. Русия в две френско-руски кореспонденции от 60–70-те години на XVIII в. // *Интерпретираме руската литература: сборник в чест на 75-годишнината на проф. дфн Петко Троев. София: Факултет по славянски филологии*, 2018а. С. 9–23 [Vacheva A. Russia in dve frensko-ruski korespondentsii ot 60-70 godini na XVIII vek // *Interpretirame ruskata literatura: sbornik v chest na 75-godishninata na prof. Petko Troev. Sofia, Fakultet po slavyanski filologii*, 2018a. S. 9-13].
- Вачева А. Чай, пушени еленски езици и хайвер : Вкусните руски изкушения в писмата на Валентин Жамре-Дювал и Анастасия Соколова // *Дългият XVIII век 2. Наслади и забрани. София: Българско общество за проучване на XVIII век*, 2018b. С. 113–121 [Vacheva A. Chai, pusheni elenski ezitsi i haiver: vkusnite ruski izkusheniya v pismata na Valentin Jameray-Duval i Anastasia Sokolova// *Dalgivat XVIII vek 2. Nasladi i zabrani. Sofia: Bulgarsko obshtestvo za prouchvane na XVIII vek*, 2018b. S. 113-121].
- Вачева А. Vacheva A. Русские и Россия в переписке Валентина Жамре-Дюваля и Анастасии Соколовой (1762–1774)// *Quaestio Rossica. Т. 6. Вып. 4. 2018с. С. 1110–1128* [Vacheva A. Russkie i Russia v perepiske Valentina Jamerai-Duvalya i Anastasii Sokolovoi (1762–1774)// *Quaestio Rossica. Т. 6. Vyp. 4. 2018с. S. 1110-1128*].
- Гречаная Е.П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке. М., 2010. 382 с. [Grechanaya E.P. *Kogda Russia govorila po-frantzuzski: russkaya literature na frantsuzskom yazyke. M.: 2010. 382 p.*].
- Казнаков С.Н. Дочь Бецкого и философ Дюваль // *Старые годы. 1916. Окт. С. 3–78* [Kaznakov S.N. *Doch' Betskogo i filosofe Duval// Starye gody, №10-12/1916, p. 3-73*].
- Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 207 с. [Masson Ch. *Sekretnye zapiski o Rossii vremeni tsarstvovaniya Ekateriny II i Pavla I. M.: Novoe Literaturnoe obozrenie, 1996. 207 p.*].
- Мезин С.А. Дидро и цивилизация России. М.: Новое Литературное обозрение, 2018. 270 с. [Mezin S.A. *Diderot i civilizacia Rossii. M.: Novoe Literaturnoe obozrenie, 2018. 270 s.*].
- Памятные записки А.В. Храповицкого. М.: В Университетской типографии, 1862. 313 с. [Pamyatnye zapiski A.V. Khrapovitskogo. M.: V Universitetskoj tipografii, 1862. 313 s.].
- Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. Т. 1. 1700–1800. Л., 1984. 373 с. [Svodnyi catalog knig na inostrannykh yazykakh, izdannyykh v Rossii v XVIII veke. Т. 1. 1701–1800. Leningrad, 1984. 373 s.].
- СИРИО. Письма Гримма к Императрице Екатерине II // *Сборник Императорского русского исторического общества. Т. XLIV. СПб., 1885. 872 с.* [SIRIO. *Pis'ma Grimma u imperatritse Ekaterine II // Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva. Т. XLIV. SPb., 1885. 872 s.*].
- Эспань М. Тройственный культурный трансфер// *Эспань М. История цивилизации как культурный трансфер. М., Новое Литературное обозрение, 2018. С. 230-260* [Espagne M. *Troistvennyi kul'turnyi transfer// Espagne M. Istoria civilizacii kak kul'turnyi transfer. M., Novoe Literaturnoe obozrenie, 2018. P. 230–260*].
- Baudin R. Préface : Christophe Guillaume Koch et la Russie // *Histoire de Russie avec sa partie politique par Mr. Koch, professeur à Strasbourg suivie de Constitution de l'empire de Russie / ed., présentée et commentée par R. Baudin et W. Berelowitch. Strasbourg : Presses univ. de Strasbourg, 2018. P. 7–77.*
- Belissa M. La Russie mise en lumières. Représentations et débats autour de la Russie dans la France du XVIII siècle. Paris, Kimé, 2001. 247 p.
- Berelowitch W. Modèles éducatifs des Lumières dans la noblesse russe : le cas des Golitsyne // *Dix-huitième siècle. 2005. № 37. Politiques et cultures des Lumières. P. 179–194.*
- Berelowitch W. Les gouverneurs des Golitsyne à l'étranger : les exigences d'une famille (années 1760–1780) // *Le précepteur francophone en Europe (XVIIe – XIXe siècles) / sous la direction de V. Rjéoutski et A. Tchoudinov. Paris : Harmattan, 2013. P. 139–150.*
- Berelowitch W. Postface : Koch et l'historiographie européenne des Lumières sur la Russie // *Histoire de Russie avec sa partie politique par Mr. Koch, professeur à Strasbourg suivie de*

- Constitution de l'empire de Russie / éd., présentée et commentée par R. Baudin et W. Berelowitch. Strasbourg: Presses univ. de Strasbourg, 2018. P. 205–240.
- Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot depuis 1753 jusqu'en 1790. Paris, Chez Furne, 1883. T. XII. 501 p.
- Courbet A. Voltaire en Lorraine: les séjours de 1720 et 1735 // Cahiers Voltaire. № 13. 2014. P. 51-52.
- Catherine II de Russie, Friedrich Melchior Grimm. Une correspondance privée, artistique et politique au siècle des Lumières. T. 1. 1764-1778. Ed. critique par S. Karp. Moscou, Centre international d'étude du 18e siècle – Monuments de la pensée historique, 2016. 341 p.
- Duval V.J. Œuvres de Valentin Jamerai Duval, précédées des mémoires sur sa vie en 2 t. St Pétersbourg ; Strasbourg : Chez J. G. Treuttel, 1784. 320 + 336 p.
- Gooch G.P. Catherine the Great: And Other Studies. Connecticut, Archon books, 1966, 292 p.
- Goulemot J.-M. Introduction// Jameray-Duval V. Mémoires. Enfance et éducation d'un paysan au XVIIIe siècle. Avant-propos, introduction, notes et annexes par Jean-Marie Goulemot. Paris, Editions le Sycomore, 1981. P. 22–108.
- Jameray-Duval V. Correspondance de Valentin Jameray-Duval. T. 1. 4 novembre 1722–21 décembre 1745 [Texte imprimé] : bibliothécaire des Ducs de Lorraine / éd. critique établie par A. Courbet. Paris : Honore Champion, 2019. T. III. Vol. 1 (9 février 1761-12 décembre 1768). 590 p. Vol. 2 (22 décembre 1768 – 20 juillet 1775). 592 p. |
- Jameray-Duval V. Mémoires. Enfance et éducation d'un paysan au XVIIIe siècle. Avant-propos, introduction, notes et annexes par Jean-Marie Goulemot. P., Ed. le Sycomore, 1981. 423 p.
- Lüsebrink H.-J. Œuvres de Valentin Jameray-Duval : une édition strasbourgeoise à la croisée des cultures // Histoire et civilisation du Livre. Vol. 15. 2015. P. 147–160.
- Rubin-Detlev K. The Epistolary art of Catherine the Great. Voltaire Foundation, Oxford University Studies in the Enlightenment. Liverpool University Press, 2019. 391 p.
- Stroev A. La Russie et la France des Lumières : Monarques et philosophes, écrivains et espions. Paris : Institut des Etudes Slaves, 2017. 508 p.
- Stroev A. "A nous deux Paris": pour une histoire alternative de la littérature russe en France// Stroev, A. (Ed.). Les intellectuels russes à la conquête de l'opinion publique française : Une histoire alternative de la littérature russe en France de Cantemir à Gorki. Paris, Presses Sorbonne Nouvelle, 2019. P. 11–51.
- Voltaire – Catherine II : Correspondance 1763–1778 / texte présenté et annoté par A. Stroev. Paris : Non lieu, 2006. 372 p.

Ангелина Вачева, доктор филологии, профессор русской литературы XVIII–XIX вв., Софийский университет "Св. Климент Охридски"; avacheva@slav.uni-sofia.bg

The Publication of the correspondence of V. Jameray-Duval and A. Sokolova as an example of Catherine the Great propaganda policy

The article examines the circumstances and context of the publication of the correspondence (1762–1774) between a French philosopher, a peasant by origin, Valentin Jameray-Duval and a lady-of-waiting of the Russian court, Anastasia Sokolova (De Ribas). The publication of letters, which became the semantic center of Duval's two-volume works, was carried out in 1784 in Strasbourg under the editorship of the famous diplomat F.-A. (F.I.) Koch and was intended for the Western European reader. The content of the correspondence creates a positive and even idealized image of Russia, which corresponds to new trends in the interpretation of the Russian theme in the works of Enlightenment philosophers and academic courses at German universities. The obscure and confusing details that accompanied the publication of the two-volume book allow us to see in its publication the implementation of a complex political project designed to advertise the achievements of the reign of Catherine II to a Western European audience, as well as to prepare European public opinion for the new plans of the Empress in the field of foreign policy.

Keywords: Catherine II, Russia, Valentin Jameray-Duval, Anastasia Sokolova-De Ribas, F.-A. Koch, correspondence, publication, political project, propaganda

Angelina Vacheva, PhD, professor of the Eighteenth and Nineteenth-century Russian literature, Sofia University "St. Kliment Ohridski" (Bulgaria); avacheva@slav.uni-sofia.bg